

стоятельств, в поиске «формаў жыцця элястычных, цякучых, зменных – змест будучыны, змест індывідуальнага і соцыяльнага ідэалу» [5, с. 25]. Средствами создания новых форм может только свобода и творчество, полагал писатель. Свобода и социальное творчество никоим образом не должны быть связаны с деятельностью возникших многочисленных партий, которые выражают не интересы всего народа, а частные интересы отдельных социально-политических группировок. Идеалом общественной организации для И. Кончевского являлась Запорожская Сечь, где, как он писал, свободно дышалось украинским и белорусским крестьянам. Но это было в далеком прошлом, а сегодня принудительная партийно-классовая государственность перекрывает все возможные каналы социального народного творчества. Вместе с тем, если в политической области отсутствуют условия проявления творческих сил народа, то писатель находит их в экономике. Он полагает, что современная ему кооперация выступает примером ненасильственных форм объединения граждан. Будущее не только белорусское, но и всего человечества, мыслитель видит в ликвидации всяких принудительных форм гражданского общежития. Отсутствие насилия и принуждения создаст условия для творчества и свободы как отдельной личности, так и всему народу.

Таким образом, Игнат Кончевский в начале XX в. создал своего рода романтическую программу общественного устройства Беларуси, основанного не на доминировании государственно-политических форм, а на принципах индивидуальной свободы и социального творчества граждан. Такая точка зрения находит частично свое выражение в общественно-политической практике ряда стран, в которых в общественной жизни большую роль играют самоуправляемые объединения граждан. Мы полагаем, что такая практика актуальна и для современной Беларуси.

Список использованных источников

1. Турук, Ф.Ф. Белорусское движение : Очерк истории национального и революционного движения белорусов / Ф.Ф. Турук. – М. : Гос. изд-во, 1921. – 144 с.
2. Казлякоў, У.Я. Палітычныя партыі Беларусі (пачатак XX ст. – 20-я гады) : вучэб. дап. / У.Я. Казлякоў. – Мінск : БДТУ, 2000. – С. 61–62.
3. Сорокин, А.Н. Очерки истории белорусской государственности и права / А.Н. Сорокин. – Минск : Право и экономика, 2018. – 868 с.
4. Калеснік, У.А. Ветразі Адысея / У.А. Калеснік. – Мінск : Мастац. літ., 1977. – 325.
5. Канчэўскі, І.У. (Ігнат Абдзіраловіч) Адвечным шляхам / І.У. Канчэўскі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 42 с.
6. Кодэр, Д. Мой Франціск Скорина : эссе / Д. Кодэр ; пер. с англ. А. Новиков, Г. Ермаков. – Минск : Беларус. кнігасбор, 2000. – 72 с.

СУБЪЕКТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ КРИЗИСА МОДЕЛЕЙ ПОСТИМПЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ XX в.

Изучение власти как одна из важнейших междисциплинарных холистических проблем в социальных науках всегда детерминирована предметно-методологической спецификой избранной сферы познания. Это обуславливает проблемы взаимодействия различных дискурсов в рамках единой (обобщающей) парадигмы (конфликт парадигм еще более усложняет познание избранного объекта), а также взаимообусловленности исторических и теоретических концептов власти. Теоретическое осмысление власти как феномена объективной реальности всегда имеет ценностное измерение, будучи обусловленным потребностями реального либо альтернативного управления, а также связанным с выраженным в виде определенного миропроекта (идеальной концепции) социальным заказом властных либо контрвластных структур. Вышеизложенное придает социальным наукам *векторность, длительность, футурологичность* и *историчность* (обращенность в будущее и обусловленность прошлым).

Важными аксиомами познания реально либо виртуально пространственно-детерминированных властных субъектов является их множественность, разноразмерность и взаимодействие в рамках определенной системы (мир-системы), обусловленность как мировоззрением (миропроектом), так и внешними объективными факторами (климат, технологии, ресурсы и т. д.). Одновременно важными принципами познания являются динамика и трансформация сущности субъектов публичной власти, возможность использования единого термина (как правило, государство) по отношению к территориальным субъектам различной природы и сущности, а также необходимость осмысления взаимодействия теоретических концептов как составной части миропроекта и историко-эмпирической реальности. Вышеуказанные методологические конструкции позволяют осмысливать реальные исторические процессы генезиса, развития и упадка (кризиса) государственности, в том числе и белорусской.

Белорусская государственность имеет сложную нелинейную многофакторную природу, исторически являясь объектом иных, имеющих линейный нарратив, государственных миропроектов, в первую очередь российского и польского [3, 5]. При этом важнейшим фактором, поро-

дившим современное белорусское государство, являются революционные события 1917 г. в Российской империи, вызванные комплексом как внутренних противоречий, так и внешних тенденций, протекавших в капиталистической мир-системе и максимально усиленных Первой мировой войной. По сути, формирование белорусской государственности, равно как и всей центрально- и восточно-европейской государственности, является следствием имеющего общеевропейский и глобальный контекст кризиса имперского типа организации верховной власти. В основе названного кризиса лежит множество факторов, однако доминирующими следует признать борьбу Германии, Великобритании и США за доминирование в капиталистической мир-системе [2, с. 19–62], а также стремление англосаксонского мира к формированию глобального рынка путем уничтожения имперских субъектов и образования совокупности небольших слабых государств [8].

В имперской государственности, на наш взгляд, достаточно четко проявляется колониальная и континентальная (территориальная) сущность, детерминирующая способы связей метрополии с колониями. Континентальные империи (Германия, Россия, Австро-Венгрия, Оттоманская Порты и т. д.) в своей основе строились на поиске моделей инкорпорации (с различными вариациями) присоединяемых территорий в общеимперскую структуру, а также включения региональной знати в силу «классовой солидарности» в общегосударственную элиту. При этом для давления на региональные элиты могли использовать и местные классовые, религиозные, социальные и иные противоречия (стимулирование развития и использования национальных языков в Прибалтике в противовес немецкому языку, ликвидация Брестской церковной унии Полоцким Собором 1839 г. в противовес польской (пропольской) элите Северо-Западного края и т. д.) [7]. Континентальные империи объективно не могли лишь эксплуатировать колонии в интересах имперского домена, в первую очередь, в силу территориального контакта и необходимости обороны границ. Одновременно на окраинах, которым империя обеспечивала безопасность и определенное развитие при соответствующем усилении социальных, религиозных, национальных и иных противоречий, формировались и развивались идеи возможности разрешения названных противоречий в отдельном национальном государстве [6, с. 50–94].

Колониальные империи (Великобритания, Франция, Нидерланды, Бельгия и т. д.), как правило, имели заморские колонии, территориально отделенные от метрополии. Данная структура территориального устройства позволяла консолидировать население метрополии в единую нацию посредством всеобщего избирательного права и достаточно вы-

сокого уровня жизни, что обеспечивалось использованием колоний для разрешения внутренних противоречий (переселение избыточного населения, присвоение ресурсов, рынок сбыта и т. д.). В результате названные державы, скрывая свою империалистическую сущность, глобально позиционировали себя демократическими национальными социально ориентированными государствами.

Ликвидация континентальных империй породила активные процессы государственного строительства на соответствующих территориях, которые [процессы] испытывали подспудное влияние исторических особенностей формирования территориальных империй. По сути, успешность имперского строительства была обеспечена победой над иными претендентами (борьба российского (московского), литвинского и польского имперских проектов; захват Оттоманской Порты государств Балканского полуострова; поглощение Австрией государств европейско-турецкого пограничья и т. д.). Таким образом, одним из факторов, влиявших на образование национального государства, как правило, являлось наличие прерванного имперского проекта, что проявилось в будущих территориальных притязаниях (фантомный (несостоявшийся) империализм).

Параллельно на формирование национальной государственности влияли и иные тенденции. Во-первых, формирование и кристаллизация в XIX в. отдельных наций в рамках индустриальной экономики и образования единых рынков, во многом «разрывавших» логику реальной и фантомной имперской государственности. Во-вторых, стремление к социальной справедливости и перераспределению земельной собственности, находящейся в руках аристократии. В-третьих, появление слоя национальной интеллигенции, сформированной из «разночинцев» и стремящейся в силу наличия образования получить доступ к власти.

На наш взгляд, вышеназванные тенденции целесообразно объяснять в логике субъектного подхода, относящегося к постнеклассической научной и управленческой парадигме, описывающего самоорганизуемые системы, обладающие признаками *уникальности, пространственной локализации, бытия в разноуровневой полисубъектной реальности, динамизма, историко-размерности* и детерминированности факторами непрогнозируемой внешней среды, способности к преобразованию реальности вообще и конкретно-исторической реальности в частности [4, с. 14].

Революционные события в Российской империи уничтожили, в первую очередь, существовавшую легитимную власть, дав возможность иным властным субъектам реализовать себя в рамках определенной, воспринимаемой в качестве своей, территории. В этом контексте очень важно понимание субъектных претензий на территории современной

Беларуси, одновременно предъявляемых рядом территориальных и экстерриториальных субъектов. Территориальные субъекты (российские (великорусские), германские, польские, украинские, литовские, в меньшей степени латышские (латгальские)) претендовали на белорусские земли как части своего несостоявшегося имперского проекта. Особенную активность в этом проявила Польша, стремившаяся возродиться в границах 1772 г., а также Германия, которая по Брестскому мирному договору и в результате боевых действий оккупировала значительную часть Беларуси. Экстерриториальные субъекты, представленные революционерами различного рода, стремились использовать ресурсы Беларуси для построения будущего пролетарского государства и мировой революции, параллельно разрешив существующие классовые, социальные и иные противоречия. Одновременно важным экстерриториальным субъектом были военные части бывшей Российской императорской армии, наличие которых сдерживало военную активность невеликорусских и нереволуционных субъектов. По сути, зарождение белорусской государственности происходило в условиях, когда территория проживания белорусского этноса превратилась в объект субъектных претензий различных реальных и потенциальных держав.

Таким образом, белорусская государственность возникла в рамках сложных противоречий, вызванных, с одной стороны, кризисом и распадом территориальных империй, а с другой стороны, формированием новых национальных государств, пытающихся реализовать собственные фантомные имперские притязания и компенсировать исторические поражения. Одновременно белорусская государственность должна была избрать для себя центр притяжения (либо согласиться с включением в логику иной наднациональной государственности), которыми для Беларуси могли быть Россия либо Польша (иные варианты (Украина и Литва) представляются мало вероятными), а также вектор развития (социалистический либо капиталистический).

Впервые попытка конституировать собственную государственность была реализована первым Всебелорусским съездом 1917 г., инициированным Советской властью в Петрограде, но разогнанным большевиками Областного исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области и фронта и Совета народных комиссаров области и фронта по причине, в том числе, дискуссий о формах будущей государственности Беларуси [1]. Данный разгон, по сути, породил две конкурирующие версии (модели) белорусской государственности.

Первой моделью белорусской государственности стала ориентированная на большевистскую Россию социалистическая модель, представленная двухуровневой структурой власти (наднациональный центр и

национальная республика (автономия)). Именно в рамках этой модели, направленной на разрешение существовавших противоречий и поиск обеспечения победы в будущей мировой войне¹, формировалась реальная и исторически успешная белорусская государственность – Белорусская Советская Социалистическая Республика.

Белорусская народная республика, ставшая второй, исторически *виртуальной* моделью государственности, провозгласив себя в условиях немецкой оккупации, но без призыва к борьбе и изгнанию захватчиков, реальной властью не обладала и была готова сотрудничать с любыми властными субъектами, кроме большевистской России. При этом виртуальность БНР позволила ей приобрести в определенных кругах статус некоего оторванного от реальности идеала, используемого для сравнения с всегда имеющимися негативными аспектами жизни советской и постсоветской Беларуси.

В реальности реализация проекта БНР, вряд ли способного разрешить существующие социальные и иные противоречия (вопрос о земле и т. д.), обусловила его антикоммунистический и антироссийский вектор, направленный на разрушение белорусской советской государственности, а в ближайшей перспективе привела бы к включению Беларуси в состав Германской империи либо Польши. Однако реальным позитивным достижением БНР, которое фактически было учтено при провозглашении в 1919 г. БССР, была констатация наличия белорусской нации, проживающей в основном в сельской местности и стремящейся к представленности в органах власти и самостоятельному решению (при учете интересов сопредельных стран и народов-соседей) собственной судьбы.

Следует понимать, что в названный период любая версия белорусской государственности не могла самостоятельно достигнуть суверенитета по ряду внешних и внутренних причин и объективно должна была присоединиться к определенному великодержавному проекту, который мог обеспечить развитие либо постепенное поглощение белорусского этноса. На наш взгляд, ключевым критерием успешности избранного пути развития необходимо считать итоги реального исторического развития, а также степень реализации интересов белорусского народа. При этом именно советский проект при естественно наличествующих

¹ Практически все государственные деятели того периода понимали, что Первая мировая война не разрешила существовавших противоречий, а Версальский договор лишь создал новые, поэтому вопрос Второй мировой войны стоял на повестке во всех государствах. Именно подготовка к будущей войне и предопределяла политику СССР в области индустриализации, коллективизации, народного просвещения, перемещения трудовых резервов из сельского хозяйства в промышленность (в том числе и посредством ГУЛАГа), репрессий политических оппонентов – сторонников мировой революции и т. д.

недостатках и просчетах был единственно успешным, обеспечившим реальные предпосылки независимости и суверенности Беларуси. Ярким подтверждением данного тезиса является уровень инвестиций в Западную и Восточную Беларусь, а также социальная мобильность населения в межвоенный период.

Таким образом, формирование белорусской государственности в начале XX в. невозможно понять вне логики внешних глобальных и региональных тенденций развития цивилизации и капиталистической мир-системы, в рамках которых властные субъекты стремятся проявить себя исторически и территориально. Изучение названных процессов требует развития концептуально-методологического инструментария и использования новых подходов, позволяющих изучать длительные историко-детерминированные и обращенные в будущее самоорганизуемые феномены, одним из которых является постнеклассический субъектный подход.

Список использованных источников

1. Брыгадзін, П.І. Першы Усебеларускі з'езд (снежань 1917 г.): да стагоддзя / П.І. Брыгадзін // Журн. Беларус. гос. ун-та. История. = Journal of the Belarusian State University. History. – 2017. – № 3. – С. 37–43.
2. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира : Социология XXI века / И. Валлерстайн ; пер. с англ. В.Л. Иноземцева ; Центр исслед. постиндустр. о-ва. – М. : Логос, 2004. – 353 с.
3. Калинин, С.А. Геоконцептуальное (нарративное) измерение в методологии познания белорусской государственности / С.А. Калинин // Статут Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага 1588 г. : да 430-годдзя выдання : зб. навук. арт. па матэрыялах канф. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: С.А. Балашэнка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2018. – С. 43–48.
4. Калинин, С.А. Субъектный подход: генезис, сущность и место в системе методологии юриспруденции / С.А. Калинин // Правоведение. – 2015. – № 2. – С. 6–21.
5. Калінін, С.А. Аб тэарэтыка-метадалагічных праблемах вывучэння беларускай дзяржаўнасці / С.А. Калінін // Гісторыя і сучаснасць: Беларуская дзяржаўнасць ва ўсходнеўрапейскім цывілізацыйным кантэксце : зб. навук. прац, прысвеч. 90-годдзю з дня нараджэння праф. І.А. Юхо / рэдкал.: С.А. Балашэнка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Бизнесофсет, 2012. – С. 83–92.
6. Ковалевский, П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России / П.И. Ковалевский. – М. : Кн. мир, 2006. – 259 с.
7. Миллер, А.И. Империя Романовых и национализм : эссе по методологии истор. исслед. / А.И. Миллер. – [Изд. 2-е испр. и доп.]. – М. : Новое лит. обозрение, 2010. – 316 с.
8. Фурсов, А.И. Мировая борьба. Англосаксы против планеты / А.И. Фурсов. – М. : Кн. мир, 2016. – 510 с.

БЕЛОРУССКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА ПОСЛЕ 1917 г. И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

УДК 340.114.5

А.Ф. Вишневский

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Представления о правовом сознании возникли вместе с зарождением юридической науки, развивались неразрывно вместе с ней и приобрели особую, первостепенную значимость в современном мире в связи с формированием правовых государств, главной целью и назначением которых является обеспечение прав и свобод человека. В этих условиях правосознание как никогда ранее приобретает значимость научно обоснованного восприятия правотворчества и правоприменения гражданами страны, и при их непосредственном участии в этой деятельности. В связи с этим представляется уместным привести мнение по этому поводу Конституционного Суда Республики Беларусь, выраженного им в Послании Президенту Республики Беларусь, Палате представителей и Совету Республики Национального собрания Республики Беларусь «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2017 году»:

«Конституционный Суд полагает необходимым последовательное и целенаправленное формирование конституционно ориентированного правосознания граждан, юристов, должностных лиц государства, в основе которого должно находиться глубоко осмысленное восприятие фундаментальных ценностей и принципов Конституции как Основного Закона страны, выражающего волю белорусского народа» [1, с. 62].

При внимательном прочтении приведенного текста нельзя не заметить того, что речь в нем идет не просто о правосознании, а о глубоко осмысленном правосознании, которое только в таком качестве может гарантировать верховенство права в государстве над всеми его органами, существующими в нем политическими объединениями, общественными формированиями и организациями, а также обеспечивать верховенство закона (в данном случае – Конституции страны) в системе действующего законодательства. В настоящее время есть основания